

ранстве церквей своих соседей-католиков. Святой Бернар говорил, что «нет проповедей более христианских, нежели у катаров, – их нравственность безупречна». И всё же армия папы, прикрываясь маской богоугодного деяния, пришла, чтобы стереть их общину с лица земли.

Именно к этим людям принадлежали предки Марии де Фонсколомб, матери Антуана Сент-Экзюпери.

Вообще, южные провинции Франции всегда отличались, прежде всего, независимостью и в образе жизни, и в образе мыслей, и какой-то особенной неустранимой воинственностью, направленной на защиту социальной справедливости. Вспомним два образа-символа Франции – образ Жанны д'Арк, приведшей освободительные войска с Юга Франции на Север для коронования Карла VI, и образ «Свободы, ведущей на баррикады» с картины Делакруа.

И, наконец, на заре нашего века, в 1900 году на юго-востоке Франции, в Лионе, в католической семье из обедневшей провансальской аристократии потомков тамплиеров и альбигойцев, родился граф Антуан де Сент-Экзюпери. Он, следуя «рыцарскому кодексу», избрал себе жизнь «среди молний» в противовес жизни «в теплице». Ему прежде всего присущи сугубо этическая направленность его интеллектуализма, уважение к Человеку, культивирование братства и призыв к нему, попытка найти духовные пути к тому, чтобы это братство восторжествовало. В истории сопротивления нацизму едва ли можно найти личность, которая стояла бы ближе к огненному рубежу духовной борьбы, чем Сент-Экзюпери. Кроме непосредственной службы в качестве лётчика, он всем своим существом гуманиста и литератора встал в первый ряд идеологов, послужив живым примером самоотверженности и несокрушимости духа. Он стал живым олицетворением одного из символов Грааля – птицы Феникс, являющейся прообразом самосожжения и воскресения. Фактически он стал человеком, духовная мощь которого повлияла на судьбу всего мира, позволив ему возродиться.

«Ищите меня в том, что я пишу».

Пролистаем страницы дневников и писем Сент-Экзюпери. В них разворачивается необозримая величественная картина рыцарского служения человечеству, тот высочайший аристократизм духа, который присущ только представителям орденовой культуры. Сент-Экзюпери можно определить как философа действия, поэта «дела».

Октябрь 1939 года: «...Верни мне моё право подвергаться испытаниям. Великая духовная гнущность утверждает, что тех, «кто представляет собой какую-то ценность», надо держать в безопасности! Лишь будучи активным участником событий, можно сыграть действительную роль. И ежели «представ-

ляющие ценность» являются солью земли, они должны смешаться с землёй. Нельзя говорить «мы», когда стоишь в стороне... Я нравственно заболел, если не буду драться».

Сент-Экзюпери прекрасно понимает свою ценность, как «соль земли», но его выбор – борьба. Добровольное самопожертвование для спасения нравственного кодекса и активная жизненная позиция – это и есть рыцарское отношение к действительности. «Я хочу драться, меня вынуждают к этому любовь и моя внутренняя религия. Я не могу оставаться в стороне...»

Ноябрь 1939 года: «Чудо безымянности, вроде безымянности пилота авиалинии, или лётчика-истребителя, или монастырского затворника, в том и состоит, что потихоньку, незаметно чем-то становишься. В процессе естественного переваривания превращаешься в нечто иное». Постоянная глубочайшая внутренняя работа, преобразование, – у масонов подобные процессы называются «тесанием дикого камня сердца».

Декабрь 1939 года: «Только находясь в самом центре, обретаешь ясность. А оболочку необходимо отшелушивать...» И вот ещё: «...храбрость – это нечто, отличающееся благородством от буйства подвыпившего унтер-офицера: она становится условием познания самого себя. ... И потому, не знаю почему, желание всё брать на себя. В этом «моя война». И это вовсе не дурацкие манипуляции тореадора, намёком на которого меня однажды хотели уязвить». Этому же соответствуют строки из его «Морали необходимости»: «Мы дерёмся, чтобы победить в войне, которая идёт как раз на границах внутреннего царства».

Сент-Экзюпери был над толпой, но не над событиями. Его духовная высота находила полную гармонию с той профессией, которую он себе избрал, и именно с этих высот он и оценивал сущность всего происходящего в мире. «В основе всякой цивилизации лежит поразительный парадокс: Человек уравнивает могущество толпы» (Конец 1939 г. «Мораль необходимости»).

1940 год: «Моя раздвоенность и потеря себя. Наружная, видимая жизнь не представляет никакого интереса. Меня в ней нет. Я живу не здесь. (И вот пример парадоксальности Сент-Экзюпери: «Я подобен плоду, не отделимому от дерева... Я самый сильный, потому что моя цивилизация в состоянии завязать в единый узел, не увеча их, самых различных людей».)

Но всё же: «На сердце у меня чудовищным бременем лежит устрашающая нелепость нынешней эпохи. Нелепость всё та же: нынешняя эпоха не является эпохой мысли», (можно добавить: в отличие от гуманистической эпохи французского Возрождения). И поэтому Сент-Экзюпери, со свойственной ему рыцарской ответственностью за духовную со-

стоятельность современников, не только анализирует, но и даёт направление: «...Но коль вы хотите править миром, его надо постичь. Если же вы забыли «ради чего», вы обречены. Мы обучили, но не воспитали людей.[...] Мы выстроили собор, а потом он был отдан не великому архитектору, но церковным служакам и старушкам, сдающим напрокат стулья. Собор был построен, чтобы в нём давали напрокат стулья. Вселенная Паскаля была создана, чтобы в ней играли в бридж и обсуждали жульнические сделки. Нужно вновь придумать бога, который был бы равновелик собору.[...] Но постепенно мы спутали это трансцендентальное равенство с равенством вообще. Мы забыли, что философия старушки, сдающей напрокат стулья, не способна спасти собор. Мы перестали воодушевлять человека, перестали вытаскивать его из его оболочки».

Сент-Экзюпери по-рыцарски, своей грудью, прокладывает путь человечеству. «Мне придётся не разъяснять и даже не переубеждать, а обратить его. То есть постепенно подарить ему язык, пользуясь которым человек становится богаче. А обращённый даст убить себя за свою веру, и логикой его не возьмёшь.[...] Я выбрал свою религию. Ту, что творит из меня человека, ту, что больше мне по душе, и отныне мой долг – идти на смерть за этот необратимый выбор. Однако решение я принял не во имя логики. А во имя человека, который родился во мне. И тогда поступок, если он животворен, оказывается знаменем, подтверждающим истинность веры. Я не способен думать о своём действии вне цивилизации, направляющей меня». И это абсолютно рыцарское поведение: чувство ответственности за всё человечество, верность долгу, отстаивание своей веры, всего того, чему он свято служит и во имя чего готов пожертвовать собой.

Одновременно он же – строгий судья: «Вы можете сколько угодно бахвалиться своей древней культурой. Но что вы сделали для её спасения?.. То, что составляет достоинство мира, может быть спасено лишь при одном условии: помнить про это. А достоинство мира составляет милосердие, любовь к знанию и уважение к внутреннему человеку... Вы сильно ошибаетесь, считая любовь к знанию извечно присущей человеку: она – чудесное наследие».

Сент-Экзюпери берёт на себя нелёгкое право объяснять и указывать современникам исторические истоки той самой позиции жертвенности, которой он по-рыцарски служит и которую люди зачастую очень плохо и очень плоско понимают. Из его «Послания молодым американцам» (речь 7 декабря 1941 г.): «Есть только один способ возвести это здание, которое больше каждого из вас и которое в свой черёд обогатит вас, когда вы его построите. Один-единственный способ. Его задолго до нас изобрели самые древние религии. На нём основывается дух любой религии. Дух любого общества. Это, можно сказать,

самое надёжное средство. Это средство – жертва. Причём под жертвой я подразумеваю не отказ от жизненных благ, не покаянный жест отчаяния. Я подразумеваю под жертвой безвозмездный дар. Дар, ничего не требующий взамен. Усилия, которые вы отдаёте обществу, формируют общество. А оно делает богаче вас самих».

Великий духовный мастер, Сент-Экзюпери в этом письме по-орденски объясняет истоки самого понятия «братство»: ...«Человека вообще» не бывает. Собор построен из камней. Камни составляют собор. Но собор облагораживает каждый из камней. Так и вы обретаете братство лишь в чём-то большем, чем каждый из вас: люди всегда братья «по» чему-либо. Нельзя быть братом вообще».

В книге «Планета людей» манифестируется, что только человеку свойственно одиночество, но только человеку ведомо братство. Сент-Экзюпери идёт дальше; почву одиночества он обнаруживает в отстранённом и созерцательном отношении к человеку, миру, а корень братства – в осознанной взаимосвязи людей, в общем труде и общей борьбе. «Товарищи – только те, кто, держась за один канат, общими усилиями взбираются на горную вершину, и в этом обретают свою близость». Сент-Экзюпери помогает понять, что одиночество – не фатальная неизбежность, не проклятие, тяготеющее над человеком; что духовный мир каждого из преграды, встающей между людьми, может превратиться в источник взаимного обогащения.

«Письмо заложнику» (март 1943 г.) можно рассматривать в некотором роде как символ веры Сент-Экзюпери. Веры в человеческое братство, родство, торжествующее над чувством одиночества и отчуждённости. Это родство «основано на будущем, не на прошлом. На цели, а не на происхождении. Все мы друг другу странники, разными путями идущие к далёкой